

Джон Голсуорси
САГА О ФОРСАЙТАХ
КОНЕЦ ГЛАВЫ. КНИГА 2
ПУСТЫНЯ В ЦВЕТУ

Перевод *Е. Голышевой* и *Б. Изакова*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В 1930 году, вскоре после обсуждения бюджета в парламенте, неподалеку от вокзала Виктория можно было наблюдать восьмое чудо света: трое совершенно несхожих англичан одновременно разглядывали один и тот же городской памятник. Пришли они порознь и остановились поодаль друг от друга, на открытом юго-западном краю площади, чтобы неверный свет весенних сумерек не слепил им глаза. Одна из них была молодая женщина лет двадцати шести, другой — моложавый человек лет тридцати четырех, а третий — пожилой мужчина уже за пятьдесят. Молодая женщина — тоненькая, неглупая на вид — слегка откинула и склонила набок голову, на ее чуть приоткрытых губах играла улыбка. Мужчина помоложе плотно запахнул синее пальто и туго затянул на тонкой талии пояс, словно ему было зябко на весеннем ветру; лицо его со следами загара казалось бледным, а презрительная складка у рта странно не вязалась с выражением глаз: он смотрел на памятник с искренним волнением. Старший — высокий мужчина в коричневом костюме и коричневых замшевых туфлях — небрежно засунул руки в карманы брюк, и сквозь непроницаемое выражение его худого, обветренного, красивого лица проглядывала ирония.

А над ними, окруженная деревьями, высилась конная статуя маршала Фоша.

Человек помоложе вдруг произнес:

— Он наш спаситель!

На такое нарушение приличий по-разному отозвались двое других: англичанин постарше слегка приподнял брови и сделал шаг вперед, словно хотел разглядеть ноги лошади. Молодая женщина живо обернулась, и лицо ее выразило удивление:

— Вы не Уилфрид Дезерт?

Моложавый человек поклонился.

— Мы с вами встречались на свадьбе Флер Монт. Вы были у них шафером — первым шафером, которого я видела в жизни. Мне было тогда шестнадцать лет. Вы меня, конечно, не помните. Я — Динни, вернее говоря, Элизабет Черрел. Не хватило подружек, и меня взяли в последнюю минуту.

Лицо молодого человека просветлело.

— Я прекрасно помню ваши волосы.

— Все меня только по ним и запоминают.

— Неправда! Помню, я тогда подумал, что это вас, наверно, писал Боттичелли. Видно, вы и до сих пор ему позируете.

А Динни в это время думала: «Ну и глаза! Они меня и тогда поразили. Какие у него красивые глаза!»

Глаза эти были снова обращены на памятник.

— А он ведь и в самом деле наш спаситель, — сказал Дезерт.

— Ну да, вы ведь, кажется, там были?

— Летал, надоело до черта!

— Вам нравится памятник?

— Только конь.

— Да, — пробормотала Динни. — Это — настоящая лошадь, а не какой-нибудь гарцующий бочонок с зубами, ноздрями и выгнутым загривком...

— Надежный конь, как и сам Фош.

Динни наморщила лоб.

— Мне нравится, как он тихонько здесь стоит, среди деревьев.

— Как поживает Майкл? Вы ведь, по-моему, его двоюродная сестра?

— У него все хорошо. По-прежнему в парламенте, кажется, уже навеки.

— А Флер?

— Цветет. Вы слышали, в прошлом году у нее родилась дочь?

— Ах, вот как? Значит, у нее теперь двое?

— Да, девочку назвали Кэтрин.

— Я не был в Англии с двадцать седьмого года. Господи! Как давно была эта свадьба!

— Судя по вашему виду, — сказала Динни, разглядывая его желтоватый загар, — вы жили в

солнечных краях.

— Когда не светит солнце, я вообще не живу.

— Майкл как-то говорил, что вы уехали на Восток.

— Да, я там брожу понемножку. — Лицо его, казалось, потемнело еще больше, и он передернул плечами, словно от озноба. — Дьявольски холодно в Англии весной!

— Вы все еще пишете стихи?

— Ага, вы слышали и об этой моей слабости?

— Я читала их все. Больше всего мне нравится последняя книжка.

Он ухмыльнулся:

— Спасибо, что погладили меня по шерстке; поэты, как вы знаете, на такие вещи падки. Кто этот высокий человек? Мне как будто знакомо его лицо.

Высокий человек обошел памятник вокруг и теперь приближался к ним.

— Странно, — пробормотала Динни, — но и он напоминает мне о свадьбе Флер.

Высокий человек подошел к ним.

— Поджилки у него неважные, — сказал он.

Динни улыбнулась:

— А я всегда так радуюсь, что у меня нет подженок. Мы как раз рассуждали, знаем ли мы вас. Вы, случайно, не были на свадьбе Майкла Монта несколько лет назад?

— Был. А вы кто такая, милая барышня?

— Ну вот, значит, мы там были все трое. Я, Динни Черрел, двоюродная сестра Майкла с материнской стороны. Мистер Дезерт был его шафером.

Высокий человек кивнул:

— Ах, вот оно что! Меня зовут Джек Маскем, и я — двоюродный брат Монта-старшего. — Он повернулся к Дезерту. — Вы, я слышал, восторгались Фошем?

— Да.

Динни удивило, что Дезерт сразу же насупился.

— Ну что ж, — признал Маскем, — солдат он был настоящий, а их там было немного. Но я-то пришел поглядеть на коня.

— Конечно, конь интереснее, — серьезно подтвердила Динни.

Высокий господин удостоил ее иронической улыбкой.

— Спасибо Фошу, что он хотя бы не бросил нас в беде.

Дезерт вдруг резко к нему обернулся:

— На что вы намекаете?

Маскем пожал плечами, приподнял шляпу перед Динни и лениво зашагал прочь.

Когда он ушел, воцарилось молчание, — оба чувствовали странную неловкость.

— Вам в какую сторону? — спросила наконец

Динни.

— В любую, по дороге с вами.

— Вы очень любезны, сэр. Я иду к тетке на Маунт-стрит, вам это подходит?

— Вполне.

— Да вы ее, наверно, помните, это мать Майкла, совершенная прелесть, величайшая мастерица алогизма, — так перескакивает с предмета на предмет, что просто дух захватывает.

Они перешли улицу и пошли по Гровенор-плейс, мимо Букингемского дворца.

— Наверно, всякий раз, когда возвращаешься домой, кажется, что в Англии все ужасно переменялось? Простите за светскую болтовню.

— Да, в общем, да...

— Вы, видно, не очень-то «обожаете свой край родной», как принято у нас говорить?

— Он внушает мне ужас!

— Да вы уж не из тех ли, кто хочет казаться хуже, чем он есть на самом деле?

— Хуже не бывает. Спросите Майкла.

— Майкл злословить не любит.

— И Майкл и все прочие ангелы с крылышками витают в небесах.

— Неправда. Майкл прочно стоит на земле, он настоящий англичанин.

— А одно с другим не вяжется, в том-то и беда.

— Зачем бранить Англию? Вы не оригинальны.

— Я браню ее только англичанам.

— И на том спасибо. Но почему мне?

Дезерт расхохотался.

— Потому что вы такая, какой я хотел бы видеть Англию.

— «Польщена и прелестна, но еще не перезрела и совсем не растолстела!»

— Меня злит, что Англия все еще верит, будто она «соль земли».

— А разве это не так?

— Так, — к ее удивлению, ответил Дезерт, — но она не смеет этого думать.

Динни мысленно продекламовала:

Ты упрямец, братец
Уилфрид, и язык твой зол,
Этим ты, — сказала
дева, — лучше не хвались!
Некрасиво вечно
путать потолок и пол,
Становиться так
упорно головою вниз! ¹

¹ Стихи даются в переводе А. Эфрон.

но вслух она выразилась попроще:

— Если Англия все еще «соль земли», но не имеет права так думать и все же думает, у нее, по-видимому, есть чутье. Отчего вы сразу невзлюбили мистера Маскема? Тоже чутье? — Но, поглядев на его лицо, подумала: «Я, кажется, на редкость бестактна».

— За что мне его не любить? Обычный толстокожий, — только и знает, что охотиться да ездить на скачки, у меня от таких скулы воротит со скуки.

«Что-то тут не так», — думала Динни, вглядываясь в Дезерта. Какое странное лицо! Измученное глубоким разладом с самим собой, словно злой и добрый гений пытаются выжить друг друга из его души; но глаза его все так же тревожили ее, как и тогда, в шестнадцать лет, когда с распущенными волосами она стояла рядом с ним на свадьбе Флер.

— Вы и в самом деле любите бродить по Востоку?

— На мне проклятие Исава, сына Исаака.

«В один прекрасный день, — подумала она, — я заставлю тебя сказать, за что ты проклят. Впрочем, вряд ли я еще когда-нибудь тебя увижу». И по спине у нее пробежал холодок.

— Вы знаете моего дядю Адриана? Во время войны он был на Востоке. А теперь заведует

ископаемыми в музее. Вы, наверно, знакомы с Дианой Ферз. Дядя женился на ней в прошлом году.

— Я мало кого тут знаю.

— Ну, тогда нас связывает только Майкл.

— Я не верю в связи через третьих лиц. Где вы живете, мисс Черрел?

Динни усмехнулась.

— Вижу, пора вас снабдить краткой биографической справкой. С незапамятных времен семья моя владеет поместьем Кондафорд в Оксфордшире. Отец — отставной генерал, у него две дочери и единственный сын — военный, женат и скоро приедет из Судана в отпуск.

— А-а... — протянул Дезерт и снова помрачнел.

— Мне двадцать шесть лет, я не замужем и — увы! — бездетна. Любимое развлечение — вмешиваться в чужие дела. И сама не пойму, зачем мне это надо! В городе живу у леди Монт, на Маунт-стрит. Несмотря на деревенское воспитание, у меня дорогостоящие замашки и никаких средств, чтобы им потакать. Кажется, не лишена чувства юмора. А вы?

Дезерт улыбнулся и покачал головой.

— Хотите, я скажу за вас? — предложила Динни. — Вы младший сын лорда Маллиона; слишком много воевали; пишете стихи; у вас страсть к кочевой жизни, и вы враг самому себе;

последнее — мое открытие и может заинтересовать нашу прессу. Ну вот мы и дошли до Маунт-стрит. Может, зайдете навесить тетю Эм?

— Спасибо, нет. Но давайте завтра вместе пообедаем, а потом ходим на утренник в театр.

— Хорошо. Где?

— У «Дюмурье». В половине второго.

Они пожали друг другу руки и расстались, но когда Динни входила в дом тетки, она была как-то приятно оживлена и, остановившись у двери в гостиную, постояла там, улыбаясь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Улыбка сошла с ее лица, когда через закрытую дверь до нее донесся веселый шум.

«Боже мой! — подумала она. — У тети Эм день рождения, а я совсем забыла!»

Кто-то перестал барабанить на рояле, послышались беготня, какая-то суматоха, стук отодвигаемых стульев, писк, а потом все смолкло и снова раздались звуки рояля.

«Музыкальные стулья!» — сообразила Динни и тихонько приоткрыла дверь. Та, что раньше звалась Дианой Ферз, сидела у рояля. Восемь малышей и один взрослый в пестрых бумажных колпаках цеплялись за восемь разнокалиберных стульев, расставленных друг против друга; семеро

вот-вот готовы были вскочить на ноги, а двое еще сидели рядом на одном стуле. Динни оглядела это сборище и увидела, что слева направо сидят: Рональд Ферз; маленький китайчонок; младшенькая тети Элистон — Энн; младший сын дяди Хилери — Тони; Силия и Динго (дети замужней сестры Майкла Силии Мористон); Шейла Ферз, а на одном стуле — дядя Адриан и Кит Монт. Потом ей попалась на глаза тетя Эм, которая, пыхтя, прислонилась к камину; на голове у нее красовалась огромная диадема из фиолетовой бумаги. Флер старалась вытащить стул из того ряда, где сидел Рональд!

— Кит, вставай! Ты опоздал.

Кит не тронулся с места, зато встал Адриан.

— Ничего не поделаешь, старина. Их не переспоришь. Беги!

— Не держитесь руками за спинки! — кричала Флер. — Ву-фин, не смей садиться, пока не перестанут играть! Динго, не цепляйся за крайний стул!

Музыка прекратилась. Суетня, толкотня, писк; самая маленькая фигурка — крохотная Энн — осталась стоять.

— Не горюй, детка, — сказала ей Динни. — Поди сюда, давай бить в барабан. Как только музыка перестанет играть — ты тоже перестань. Вот так. Ну, еще раз. Делай как тетя Ди.

Игра возобновлялась снова и снова, пока не остались только Шейла, Динго и Кит.

«Я ставлю на Кита», — решила Динни.

Вот вышла из игры Шейла! Ее выдвинули из ряда вместе со стулом. Вокруг последнего стула суетились маленький шотландец Динго и светлоголовый Кит, потерявший в пылу беготни свой бумажный колпак. Оба то садились, то вскакивали и вертелись вокруг стула. Диана старалась на них не глядеть, Флер отошла подальше, чуть-чуть улыбаясь; лицо тети Эм порозовело. Музыка смолкла, Динго успел сесть, а Кит остался стоять; щеки его пылали и брови были насуплены.

— Кит! — послышался голос Флер. — Играй как следует!

Кит вздернул голову и сунул кулачки в карманы.

«Молодчина Флер!» — подумала Динни.

Сзади чей-то голос произнес:

— Безудержная страсть твоей тетки к молодежи приводит к невысказанным бедствиям. Что если нам поискать покоя у меня в кабинете?

Динни обернулась и поглядела на тонкое, худое, подвижное лицо сэра Лоренса Монта; его усики совсем побелели, но волосы только чуть серебрила седина.

— Я еще не внесла своей лепты, дядя Лоренс.

— И не надо. Учись смотреть на все со стороны. Пусть язычники беснуются. Пойдем предадимся тихой беседе, как истые христиане.

Желание поговорить с дядей об Уилфриде Дезерте побороло в ней привычную самоотверженность, и Динни ушла с ним.

— Над чем ты сейчас работаешь? — спросила она.

— Решил немножко отдохнуть, читаю мемуары Хэрриет Уилсон — поразительная женщина, Динни! Во времена Регентства в высшем свете и так не было ни одной незапятнанной репутации, но она-то уж постаралась! Ты что-нибудь о ней слышала? Поверь, эта женщина знала, что такое любовь. Любовников у нее была тьма, но любила она только одного.

— И это, по-твоему, любовь?

— Ну что ж, сердце у нее было доброе, а остальные любили ее. Совсем не похожа на Нинон де Ланкло — та ведь любила всех. Но обе они женщины примечательные. А что если написать диалог этих двух дам на тему о добродетели? Стоит подумать. Садись!

— Сегодня я рассматривала памятник Фошу и встретила там твоего двоюродного брата, мистера Маскема.

— Джека?

— Да.

— Последний денди. Ты понимаешь, какая огромная разница между «щеголем», «денди», «франтом», «модником», «хлыщом», «пижоном» и «фертом» — кажется, так это теперь называют? Но порода вырождается. По возрасту Джек принадлежит к эпохе «хлыщей», но стиль у него настоящего «денди» — законченного денди, типа Уайта-Мелвиля². Что ты о нем думаешь?

— Лошади, карты и полнейшая невозмутимость.

— Сними-ка шляпу. Я люблю смотреть на твои волосы.

Динни сняла шляпу.

— Я встретила там еще одного знакомого: шафера Майкла.

— Как? Дезерта? Он вернулся? — И подвижная бровь сэра Лоренса поползла наверх.

Щеки Динни слегка порозовели.

— Да, — сказала она.

— Станный тип.

Динни вдруг почувствовала какое-то непривычное ощущение. Ей было бы трудно его описать, но оно напомнило ей фарфоровую безделушку, которую она подарила отцу в день его

² Уайт-Мелвилль Джордж (1821–1878) — английский писатель и спортсмен.

рождения: мастерски вылепленную лисичку с четырьмя приткнувшимися к ней детенышами. Выражение лисьей мордочки — нежное и чуть-чуть настороженное — отражало ее чувство в эту минуту.

— А чем он странный?

— Не хочу быть фискалом, Динни. Хотя тебе, пожалуй, скажу... Молодой человек года через два после замужества Флер явно за ней волочился. Из-за этого он и стал таким непоседой.

Так вот на что он намекал, говоря о проклятии Исава? Не может быть! По выражению его лица, когда они говорили о Флер, она бы этого не подумала.

— Но ведь все это было сто лет назад! — воскликнула Динни.

— Конечно! Дела давно минувших дней; но ходят о нем и другие слухи. Наши клубы — настоящие рассадники злословия.

Динни внутренне насторожилась.

— Какие слухи?

Сэр Лоренс покачал головой.

— Мне этот молодой человек нравится, и я не стану даже тебе повторять то, чего сам толком не знаю. Если человек живет не как все, про него еще не то наговорят! — Он вдруг кинул на Динни испытующий взгляд, но ее глаза безмятежно сияли.

— А кто этот маленький китайчонок?

— Сын бывшего мандарина; тот оставил здесь свою семью: на родине у него какие-то нелады; занятный малыш! Очень симпатичный народ эти китайцы. Когда приезжает Хьюберт?

— На будущей неделе. Они летят из Италии. Джин ведь любит летать.

— Какова судьба ее брата? — И он снова пристально взглянул на Динни.

— Алана? Он служит на морской базе в Китае.

— Тетя не перестает сетовать, что у вас с ним ничего не вышло.

— Ты знаешь, ради тети Эм я готова на все, но, любя его как брата, я не могла пойти с ним к алтарю.

— Я-то совсем не хочу, чтобы ты выходила замуж, — сказал сэр Лоренс, — ищи тебя тогда в какой-нибудь Берберии!

«Да он просто колдун!» — мелькнуло у Динни, и глаза ее стали совсем наивными.

— Ох, уж эта бюрократическая машина! — продолжал тот. — Всю нашу родню засосала. И моих дочерей: Силия — в Китае, Флора — в Индии; твой брат Хьюберт — в Судане; вот и сестра твоя Клер унесется, как только ее обвенчают: Джерри Корвен получил назначение на Цейлон... Говорят, Чарли Маскема посылают в Кейптаун; старший сын Хилери едет на гражданскую службу в Индию; а младший — на флот. Черт побери, Динни, вы с

Джеком Маскемом — последнее мое утешение в этой пустыне! Не считая, конечно, Майкла.

— А ты часто видишься с Маскемом?

— Частенько, у «Бартона», он заходит ко мне и в «Кофейню», — играем в пикет; кроме нас двоих, игроков там и не осталось. Правда, это пока не наступит сезон; теперь-то я вряд ли увижу его до конца скачек в Кэмбриджшире.

— Он, видно, большой знаток лошадей?

— Да. Но только лошадей, Динни. Таких, как он, редко хватает на что-нибудь еще. Лошадь — странное животное, она делает человека слепым и глухим ко всему остальному. Слишком уж много требует внимания. Приходится следить не только за ней, но и за всеми, кто имеет к ней какое-нибудь отношение. А как выглядит Дезерт?

— Что? — Динни слегка растерялась. — Какой-то темно-желтый...

— Это от раскаленного песка. Ведь он теперь живет как бедуин. И отец у него тоже отшельник, так что у них это в крови. Но он нравится Майклу, даже несмотря на ту историю, и это — лучшее, что о нем можно сказать.

— А какие он пишет стихи? — спросила Динни.

— Путаные. Разрушает одной рукой то, что создает другой.

— Может, он просто еще не нашел себе места

в жизни? А глаза у него красивые, правда?

— Я больше всего запомнил его рот — рот человека тонко чувствующего, озлобленного.

— Глаза говорят о том, каков человек от природы, а рот — каким он стал.

— Да, рот и желудок.

— У него нет желудка, — сказала Динни. — Это я заметила.

— Привычка довольствоваться чашкой кофе и горстью фиников. Впрочем, арабы кофе не пьют, — у них слабость к зеленому чаю с мятой. Вот ужас! Сюда идет тетя. — «Вот ужас» относилось к чаю с мятой.

Леди Монт уже сняла бумажную диадему и слегка отдышалась.

— Тетечка, я, конечно, забыла про твой день рождения и ничего не принесла тебе в подарок.

— Тогда поцелуй меня. Я всегда говорила, что ты целуешься лучше всех. Откуда ты взялась?

— Клер попросила меня кое-что для нее купить.

— Ты захватила с собой ночную рубашку?

— Нет.

— Не важно. Возьмешь мою. Ты еще носишь ночные рубашки?

— Да.

— Молодец. Терпеть не могу, когда женщины спят в пижамах — и дядя этого тоже не любит.

Вечно спадают. И ничего с этим не поделаешь, как ни старайся. Майкл и Флер останутся ужинать.

— Спасибо, тетя Эм, с удовольствием у вас переночую. Я еще не купила и половины того, что просила Клер.

— Нехорошо, что Клер выходит замуж раньше тебя.

— Но она и должна была выйти раньше, тетя.

— Ерунда! Клер — умница, а они не торопятся. Когда я вышла замуж, мне было уже двадцать один.

— Вот видишь!

— Не смейся надо мной. Умницей я была только раз. Помнишь, Лоренс, того слона... я хотела, чтобы он сел, а он все время становился на колени. Понимаешь, у них ноги подгибаются только в одну сторону. И я сразу сказала, что они ни за что не подогнутся в другую!

— Ах, тетя Эм! Да ты вообще самая большая умница на свете! Женщины так уныло последовательны.

— Меня утешает твой нос, Динни. Мне так надоели клювы и тети Уилмет, и Генриетты Бентворт, да и мой тоже.

— У тебя нос только чуть-чуть орлиный.

— В детстве я ужасно боялась, что он станет еще хуже! Часами простаивала, прижавшись кончиком к гардеробу.

— Я тоже хотела что-нибудь сделать со своим носом, только наоборот.

— Один раз я так стояла, а твой папа забрался на гардероб, как настоящий леопард, а потом на меня как прыгнет! Даже губу себе прокусил. У меня вся шея была в крови.

— Фу, как нехорошо!

— Да. Лоренс, о чем ты сейчас думаешь?

— О том, что Динни, наверно, не обедала. Правда, Динни?

— Я отложила это до завтра.

— Вот видишь! — воскликнула леди Монт. — Позови Блора. Ты ни за что не поправишься, пока не выйдешь замуж.

— Давай сперва сбудем с рук Клер, хорошо?

— В церкви Святого Георгия? И венчает, наверно, Хилери?

— Конечно!

— Я непременно буду плакать.

— А почему, в сущности, ты плачешь на свадьбах?

— Она ужасно похожа на ангела, а жених — в черном фраке, с усиками щеточкой, и совсем ничего не чувствует, а она думает, что он чувствует! Так обидно!

— Ну, а вдруг он все-таки чувствует? Майкл ведь чувствовал, когда женился, и дядя Адриан тоже!

— Адриану уже пятьдесят три, и у него борода. И потом он ведь Адриан!

— Да, это, конечно, другое дело. Но, по-моему, надо скорее пожалеть жениха. У невесты самый счастливый день в жизни, а ему, бедняжке, наверно, тесен белый жилет.

— Лоренсу не был тесен. Лоренс всегда был тоненький, как папиросная бумага. А я была тощая, как ты.

— Тебе, наверно, очень шла фата, тетя Эм. Правда, дядя? — Но иронически-грустное выражение на лицах этих пожилых людей заставило ее замолчать, и она только спросила: — Где вы познакомились?

— На охоте. Я упала в канаву, а дяде это не понравилось; он подошел и вытащил меня оттуда.

— Но это идеальная встреча!

— Нет, слишком много было глины. Мы целый день потом друг с другом не разговаривали.

— А что же вас примирило?

— То да се. Я гостила у родителей Ген, Кордроев, а Лоренс заехал к ним посмотреть щенят. И чего это ты меня все выпрашиваешь?

— Мне просто хотелось знать, как это делали в ваши дни.

— А ты лучше выясни, как это делают теперь.

— Дядя Лоренс вовсе не желает от меня избавиться.

— Все мужчины эгоисты, кроме Майкла и Адриана.

— И потом мне ужасно не хочется, чтобы ты плакала.

— Блор, принесите мисс Динни бутерброд и коктейль, она не обедала. И потом, Блор, мистер и миссис Адриан и мистер и миссис Майкл будут у нас ужинать. И еще, Блор, скажите Лоре, чтобы она отнесла какую-нибудь мою ночную рубашку и все, что нужно, в голубую комнату для гостей. Мисс Динни останется ночевать. Ах, эти дети! — И леди Монт, слегка покачиваясь, выплыла из комнаты. Дворецкий последовал за ней.

— Ну, какая же она прелесть, дядя!

— Я этого никогда не отрицал!

— С ней легче становится на душе. Она хоть раз в жизни сердилась?

— Иногда она начинает сердиться, но тут же об этом забывает.

— Вот благодать!

Вечером, во время ужина, Динни ждала, что дядя хоть словом обмолвится о возвращении Уилфрида Дезерта. Но он ничего не сказал.

После ужина она подсела к Флер, как всегда восхищаясь ею. Безупречное самообладание Флер, ее выхоленное лицо и фигура, трезвый взгляд ясных глаз, трезвое отношение к самой себе и какое-то

странное к Майклу: слегка почтительное и в то же время чуть-чуть снисходительное — не переставали удивлять Динни.

«Если я когда-нибудь выйду замуж, — думала Динни, — я не смогу вести себя так с мужем. Я хочу относиться к нему как к равному, не пряча своих грехов и не боясь видеть его грехи».

— Ты помнишь свою свадьбу, Флер? — спросила она.

— Конечно, дорогая. Убийственная церемония!

— Я сегодня встретила вашего шафера.

Темные зрачки Флер сузились.

— Уилфрида? Разве ты его знаешь?

— Мне тогда было шестнадцать, и он поразил мое юное воображение.

— Для этого и приглашают шаферов. Ну, и как ему живется теперь?

— Он очень загорелый и опять взволновал мою юную душу.

Флер засмеялась.

— Ну, это он всегда умел.

Глядя на нее, Динни решила проявить настойчивость.

— Да. Дядя Лоренс рассказывал, что когда-то он пытался вовсе проявить этот свой талант.

Лицо Флер выразило удивление.

— Вот не думала, что тесть это заметил!

— Дядя Лоренс у нас колдун.

— Ну, Уилфрид вел себя, в общем, примерно, — задумчиво улыбаясь, пробормотала Флер. — Отправился на Восток, как миленький...

— Неужели он поэтому и жил там до сих пор?

— Что ты! Корь — болезнь недолгая. Ему просто там нравится. Может, он завел себе гарем.

— Нет, — сказала Динни. — По-моему, он человек брезгливый.

— Ты права, дорогая, и прости меня за дешевый цинизм. Уилфрид — один из самых странных людей на свете, но, в общем, он славный. Майкл его любил. Но любить его, — сказала она вдруг, взглянув Динни прямо в глаза, — просто мучение: уж больно в нем все вразброд. В свое время я к нему близко приглядывалась, — так уж пришлось, понимаешь? В руки он не дается. Страстная натура и сплошной комок нервов. Человек он мягкосердечный и в то же время обозленный. И ни во что на свете не верит.

— Наверно, верит все-таки в красоту, — спросила Динни, — и в истину, если знает, в чем она?

Флер неожиданно ответила:

— Ну, знаешь, дорогая, в них-то мы все верим, если они нам попадаются. Беда в том, что их нет, разве что... разве что они в тебе самой. Ну, а если в душе одна кутерьма, чего тогда ждать

хорошего? Где ты его видела?

— Он разглядывал Фоша.

— А-а... Кажется, он и тогда его боготворил. Бедный Уилфрид, жить ему несладко. Контузия, стихи, да и воспитание нелепое, отец совсем отошел от жизни, мать — наполовину итальянка, сбежала с другим. Беспоконная семья. Лучшее, что у него было, — глаза: грустные, сердце от них щемило. И к тому же очень красивые — опасное сочетание. Значит, он снова растревожил твое воображение? — И она уже открыто взглянула Динни в глаза.

— Нет, но мне было интересно, встревожишься ли ты, если я скажу, что его встретила.

— Я? Милочка, мне уже скоро тридцать. Я мать двоих детей и... — лицо ее потемнело, — у меня теперь иммунитет. Если я кому-нибудь захочу открыться, может, я откроюсь тебе. Но есть вещи, о которых не говорят.

Наверху, в спальне, путаясь в складках ночной рубашки тети Эм, Динни задумчиво глядела в камин, затопленный, несмотря на все ее уговоры. Она понимала, что странное томление, которое охватило ее и толкало неизвестно куда, просто нелепо. Что это с ней? Встретила человека, который десять лет назад поразил ее воображение! И, по всем отзывам, вовсе не такого уж хорошего

человека! Что из этого? Динни взяла зеркало и стала разглядывать свое лицо над вышитым воротником тетиного балахона. Оно ей почему-то не понравилось.

«Ну до чего же оно надоедает, это унылое ремесло проклятого Боттичелли», — подумала она.

Нос вверх глядит,
лазурь же взгляда
Устремлена коварно
вниз...
О рыжекудрая
дриада,
Самой себя
остерегись!

А он ведь привык к Востоку, к черным очам, томно блестящим из-под чадры, к манящим прелестям, скрытым под покрывалом, к таинственным соблазнам, к зубам, как жемчуг, словом, к красе райских гурий. Динни открыла рот и стала разглядывать свои зубы. Ну, тут ей бояться нечего: лучшие зубы в роду. Да и волосы у нее, в сущности говоря, не рыжие, а скорее, как называла их мисс Брэддон, — бронзовые. Какое красивое слово! Жаль, что теперь волосы так не называют. Фигуру под всеми этими рюшками и вышивками,

правда, не увидишь. Не забыть посмотреться в зеркало завтра перед ванной. За все то, чего сейчас не видно, она, кажется, может благодарить бога. Со вздохом отложив зеркало, Динни забралась в постель.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Уилфрид Дезерт по-прежнему снимал квартиру на Корк-стрит. За нее платил лорд Маллион и пользовался ею в тех редких случаях, когда покидал свою сельскую обитель. Нелюдимый аристократ все же меньше тяготился своим младшим сыном, чем старшим, который заседал в парламенте. Он не испытывал к Уилфриду такой болезненной неприязни; однако, как правило, в квартире жил один Стак, бывший вестовой Уилфрида, питавший к хозяину ту загадочную и безмолвную привязанность, которая сохраняется дольше, нежели открытое благоговение. Когда бы Уилфрид ни приехал, даже без всякого предупреждения, квартира его имела такой же вид, в каком он ее оставил: и пыли было ничуть не больше, и воздух почти такой же спертый, и те же костюмы висели на тех же вешалках, и подавали ему тот же вкусный бифштекс с грибами, чтобы заморить червячка с дороги. Наследный «мусор» вперемежку с восточными безделушками,

привезенными на память о какой-нибудь мимолетной прихоти, придавали большой гостиный дворцовый вид, словно она была частью каких-то суверенных владений. А диван перед пылающим камином принимал Уилфрида так, словно он с него и не вставал. Он лежал там наутро после встречи с Динни, раздумывая, почему один только Стак умеет варить настоящий кофе. Казалось бы, родина кофе — Восток, но турецкий кофе — обряд, забава и, как все обряды и забавы, только щекочет воображение. Он в Лондоне уже третий день после трехлетней отлучки; за последние два года ему пришлось пережить такое, что лучше не вспоминать, не говоря уже о той истории, которая внесла глубокий разлад в его душу, как ни старайся он от нее отмахнуться. Да, он вернулся, пряча от любопытных глаз постыдную тайну. Привез он и стихи, которых хватит на четвертый по счету тоненький сборник. Лежа на диване, Уилфрид раздумывал, не увеличить ли объем этой книжки, включив туда самую длинную и как будто бы самую лучшую из его поэм — отголосок той самой истории; как жаль, что ее нельзя напечатать... Недаром его не раз подмывало разорвать эти стихи, уничтожить бесследно, стереть всякую память о том, что произошло... Но ведь в поэме он пытается оправдаться в том, чего, как он надеется, никто не узнает. Разорвать стихи — значит лишить себя

защиты, ведь без них он не сможет восстановить в памяти, что он чувствовал, когда перед ним встал выбор. У него не будет лекарства от угрызений совести, единственного оружия против призраков прошлого. Ему часто казалось, что, если он не заявит во всеуслышание о том, что с ним случилось, он никогда больше не почувствует себя хозяином своей души.

Перечитывая стихи, он думал: «Это куда лучше и глубже, чем та проклятая поэма Лайелла»³. И без всякой видимой связи вспомнил девушку, которую встретил вчера. Как странно, что он запомнил ее; тогда, на свадьбе Майкла, она показалась ему юной и светящейся, как Венера Боттичелли или какая-нибудь из его мадонн и ангелов — все они похожи друг на друга. Тогда она была прелестной девушкой. А теперь стала прелестной молодой женщиной, такой цельной, чуткой, с чувством юмора... Динни Черрел! Вот ей он мог бы показать свои стихи: она их поймет.

Потому ли, что он слишком много о ней думал, или потому, что ехал в такси, но Уилфрид

³ Лайелл Альфред (1835–1911) — государственный деятель, поэт и автор ряда книг об Индии. Имеется в виду поэма «Богословие под страхом смерти», в которой герои под страхом смерти предлагают перейти в мусульманскую веру.

опоздал и встретил Динни на пороге «Дюмурье», — она уже собиралась уйти.

Пожалуй, лучший способ испытать женщину — это заставить ее ждать вас на глазах у посторонних. Динни встретила его улыбкой.

— А я уже подумала, что вы про меня забыли.

— На улицах ужасная сутолока. И как не стыдно философам болтать, будто время — это пространство, а пространство — это время? Для того, чтобы их опровергнуть, надо просто пригласить кого-нибудь обедать. Я рассчитал, что мне хватит десяти минут — ведь от Корк-стрит надо проехать меньше мили, — и вот на десять минут опоздал! Простите, бога ради!

— По словам отца, теперь, когда вместо извозчиков ездят на такси, времени уходит по крайней мере на десять процентов больше. Вы помните, как выглядели извозчики?

— Еще бы!

— А вот я в их времена ни разу не бывала в Лондоне.

— Если вам знаком этот ресторан, ведите меня. Мне о нем говорили, но я тут еще не был.

— Надо спуститься в подвал. Кухня здесь французская.

Сняв пальто, они уселись за столик в самом конце зала.

— Мне что-нибудь легкое, — сказала

Динни. — Ну, скажем, холодного цыпленка, салат и кофе.

— Вы нездоровы?

— Нет, это природный аскетизм.

— Понятно. У меня тоже. Вина пить не будете?

— Нет, спасибо. А когда мало едят, это хорошо? Как по-вашему?

— Нет, если это делают из принципа.

— А вы не любите, когда что-нибудь делают из принципа?

— Я принципиальным людям не верю, уж больно они кичатся своей добродетелью.

— Не надо так обобщать. У вас вообще есть к этому склонность, правда?

— Я подразумевал людей, которые не едят, чтобы не ублажать свою плоть. Вы, надеюсь, не из таких?

— Что вы! — воскликнула Динни. — Я просто не люблю наедаться. А мне для этого немного надо. Я еще не очень хорошо знаю, как ублажают плоть, но это, наверно, приятно.

— Пожалуй, только это и приятно на свете!

— Поэтому вы пишете стихи?

Дезерт расхохотался.

— По-моему, и вы могли бы писать стихи.

— Не стихи, а вирши.

— Лучшее место для поэзии — пустыня. Вы

бывали в пустыне?

— Нет. Но мне очень хочется. — И, сказав это, Динни сама удивилась, вспомнив, как ее раздражал американский профессор и его «бескрайние просторы прерий». Впрочем, трудно было себе представить людей более несхожих, чем Халлорсен и этот смуглый мятущийся человек, который сидел напротив, уставившись на нее своими странными глазами, так что по спине у нее снова побежали мурашки. Разломив булочку, она сказала:

— Вчера я ужинала с Майклом и Флер.

— Да! — Губы его скривились. — Когда-то я вел себя из-за: Флер как последний дурак. Она великолепна — в своем роде, правда?

— Да. — Но взгляд ее предостерегал — «Не вздумайте говорить о ней гадости!»

— Изумительная оснастка и самообладание.

— Думаю, что вы ее плохо знаете, — сказала Динни. — А я не знаю совсем.

Он наклонился к ней поближе:

— Верная душа! Где вы этому научились?

— Девиз моего рода: «Верность», — правда, это могло бы меня от нее отратить.

— Боюсь, я не понимаю, что такое верность, — произнес он отрывисто. — Верность — чему? кому? Все так зыбко на этом свете, так относительно. Верность — это свойство косного

ума либо попросту предрассудок и уж, во всяком случае, — отказ от всякой любознательности.

— Но ведь чему-то на свете стоит соблюдать верность? Ну хотя бы кофе или религии...

Он поглядел на нее так странно, что Динни даже испугалась.

— Религии? А вы верите в бога?

— В общем, кажется, да.

— Как? Неужели для вас приемлемы догмы какой-нибудь веры? Или вы считаете, что одна легенда заслуживает большего доверия, чем другая? Вам кажется, что именно это представление о Непознаваемом более основательно, чем все остальные? Религия! У вас же есть чувство юмора. Неужели его не хватает, когда дело доходит до религии?

— Хватает, но религия, по-моему, просто ощущение какого-то всеобъемлющего духа и вера в моральные устои, которые лучше всего служат этому духу.

— Гм... это довольно далеко от обычных представлений, но почему вы знаете, что лучше всего служит вашему всеобъемлющему духу?

— Это я беру на веру.

— Ну, вот тут мы и не сошлись. Послушайте! — сказал он, и ей почудилось, что в голосе его зазвучало волнение. — К чему тогда наш рассудок, наши умственные способности? Каждая

проблема, которая возникает передо мной, существует для меня сама по себе, но потом я их складываю, получаю результат, а потом — действую. Я действую в соответствии с осознанным представлением о том, как мне лучше поступить.

— Лучше для кого?

— Для себя и для всего мира в целом.

— А что важнее?

— Это одно и то же.

— Всегда? Сомневаюсь. Но, во всяком случае, вам каждый раз приходится складывать такой длинный столбец цифр, что у вас не остается времени действовать. А так как нравственные правила и есть результат бесчисленных решений тех же проблем, принятых людьми в прошлом, почему же не брать их на веру?

— Ни одно из этих решений не было принято человеком моего склада или в таких же точно обстоятельствах.

— Да, это правда. Значит, вы пользуетесь тем, что принято звать «обычным правом». Вот тут вы типичный англичанин!

— Простите! — вдруг прервал ее Дезерт. — Вам, наверно, скучно. Вы будете есть сладкое?

Динни облокотилась на стол и, подперев руками подбородок, внимательно на него посмотрела.

— Нет, мне совсем не скучно. Наоборот, вы

меня ужасно интересуете. Мне только кажется, что женщины в своих поступках куда меньше рассуждают; они редко считают себя исключением из общего правила, как мужчины, и охотнее доверяют своей интуиции, которая выработалась опытом, накопленным поколениями.

— Да, прежде женщины поступали так; не знаю, как они будут вести себя впредь.

— Думаю, что так же, — сказала Динни. — Не верю, что нам когда-нибудь захочется заниматься сложением. Я с удовольствием съем сладкое. Ну хотя бы компот из слив.

Дезерт с изумлением поглядел на нее и расхохотался.

— Вы удивительная женщина! Я тоже буду есть компот. Скажите, в вашей семье соблюдают этикет?

— Не очень, но у нас верят в традиции и в прошлое.

— А вы?

— Не знаю. Я люблю старые вещи, старые дома и старых людей. Я люблю все, на чем лежит печать прошлого, как на старинной монете. Я люблю чувствовать, что у меня есть глубокие корни. Меня всегда увлекала история. Но во всем этом есть и смешная сторона. Ну разве не смешно, что все мы не можем преступить запретную черту?

Дезерт протянул ей руку, и она положила в

его руку свою.

— Пожмем друг другу руки, у нас с вами хотя бы есть спасительное чувство юмора!

— Когда-нибудь, — сказала Динни, — вы мне все же ответите на один вопрос. А пока — на какой спектакль мы пойдем?

— Вы не слышали, идет где-нибудь пьеса некоего Шекспира?

Они выяснили, хотя и не без труда, что одно из бессмертных творений величайшего драматурга мира играют в маленьком театре на окраине. Когда кончился спектакль, Дезерт нерешительно спросил:

— А вы не зайдете ко мне выпить чаю?

Динни с улыбкой кивнула, и с этой минуты почувствовала, что отношение его к ней изменилось, в нем теперь сквозила и какая-то близость и почтительность, словно он сказал себе: «Вот эта — мне ровня».

Они пили чай, поданный Стаком — человеком со странными пронизательными глазами, чем-то смахивающим на монаха, и Динни чувствовала себя превосходно. Ей казалось, что это лучший час в ее жизни, и когда он прошел, Динни поняла, что влюбилась. Крошечное зернышко, брошенное десять лет назад, дало ростки. Это было чудо, особенно для нее, которая, дожив до двадцати шести лет, решила, что уже никогда не полюбит; время от времени Динни переводила дыхание и с

изумлением вглядывалась в лицо Уилфрида. Господи, откуда взялось в ней это чувство? Какая глупость! Оно непременно заставит ее страдать, ведь он-то ее не полюбит. С чего бы ему ее полюбить? А если он не полюбит, ей надо скрывать свое чувство, а как же его можно скрыть?

— Когда я опять вас увижу? — спросил он, когда Динни поднялась, чтобы уйти.

— А вы этого хотите?

— Необычайно.

— Почему?

— А почему же нет? Вы — первая настоящая дама, которую я вижу за последние десять лет. А может, — первая, которую я видел вообще.

— Если вы хотите, чтобы мы с вами встречались, не смейтесь надо мной.

— Смеяться над вами? С какой же стати? Итак, когда?

— Ну что ж! В данное время я ночую в чужой рубашке на Маунт-стрит. По существу, мне бы полагалось быть в Кондафорде. Но сестра моя на будущей неделе выходит замуж здесь, в Лондоне, а брат в понедельник приезжает из Египта, поэтому я, наверно, пошлю за своими вещами и останусь в городе. Где бы вам хотелось меня видеть?

— Давайте завтра покатаемся. Я целую вечность не был в Ричмонде и Хемптон-Корте.

— А я не была ни разу.

— Вот и прекрасно! Я приду за вами к памятнику Фоша в два часа, в любую погоду.

— Я с радостью поеду с вами, мой юный рыцарь.

— Великолепно! — Он вдруг склонился, взял ее руку и коснулся ее губами.

— Вы очень учтивы, — сказала Динни. — До свидания!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Динни была так поглощена своими тайными переживаниями, что ее влекло к уединению, но она была приглашена ужинать к Адриану Черрелу. После его женитьбы на Диане Ферз они выехали из дома на Окли-стрит, с которым были связаны такие грустные воспоминания, и скромно обосновались на одной из просторных площадей Блумсбери — в районе, к которому возвращался былой аристократизм, утраченный в тридцатые и сороковые годы девятнадцатого века. Дом выбрали за его близость к «ископаемым», ибо Адриан считал, что в его возрасте надо дорожить каждой минутой, проведенной с женой. Могучее здоровье, которое дядя обрел, как и предсказывала Динни, прожив год в Нью-Мехико с профессором Халлорсеном, проявлялось в темном загаре на изрезанных морщинами щеках и улыбке, теперь

гораздо чаще освещавшей худое лицо. Динни с удовольствием вспоминала, что это она дала дяде верный совет, которому он, к счастью, последовал. И к Диане возвращалась былая живость, которая до ее брака с беднягой Ферзом помогала ей блистать в «Обществе». Но не очень светская профессия Адриана и постоянная потребность быть вместе не позволяли Диане вернуться в этот священный круг избранных. Да и ее самое все больше привлекала роль жены и матери. Пристрастная к Адриану племянница считала такое влечение совершенно естественным. По дороге к ним она обдумывала, стоит ли ей рассказать, как она провела сегодняшний день. Враг недомолвок и хитростей, она решила быть откровенной. «К тому же, — рассудила она, — влюбленные девицы обожают посудачить о предмете своих вздыханий». И потом, если ей будет уж слишком тяжело без наперсницы, дядя Адриан сыграет эту роль как нельзя лучше; во-первых, потому, что он хорошо знает Восток, но главным образом потому, что он — дядя Адриан.

За столом, естественно, заговорили прежде всего о замужестве Клер и возвращении Хьюберта. Динни была встревожена выбором сестры. Сэру Джералду (Джерри) Корвену уже стукнуло сорок; это был подвижной человек среднего роста с решительным, даже дерзким лицом. Динни

признавала, что в нем много обаяния, но боялась, что его даже чересчур много. В министерстве колоний он занимал видное положение и был одним из тех людей, о ком говорят, что «они далеко пойдут». Динни беспокоило, не слишком ли Клер на него похожа — такая же бесстрашная, яркая, готовая все поставить на карту; к тому же она моложе своего будущего мужа на целых семнадцать лет. Но Диана, хорошо знавшая жениха, сказала:

— Разница в семнадцать лет — это для них благо. Джерри нужно остепениться. Если он к тому же будет ей и отцом, брак может оказаться счастливым. Чего только он не перепробовал на своем веку! И я рада, что они едут на Цейлон.

— Почему?

— Подальше от прошлого.

— А у него богатое прошлое?

— Душенька, сейчас он очень влюблен, но с такими людьми, как Джерри, при его обаянии и врожденной страсти играть с огнем, никогда нельзя быть спокойной.

— Брак всех нас превращает в трусов, — пробормотал Адриан.

— Ну, Джерри Корвена не напугаешь, его влечет к опасности, как золотую рыбку к мотылю. А Клер, наверно, от него без ума?

— Да, но Клер и сама любит играть с огнем.

— И тем не менее, — заметил Адриан. — оба они, по-моему, люди не очень-то современные. У обоих есть голова на плечах, и оба не ленятся шевелить мозгами.

— Ты прав, дядя, Клер берет от жизни все, что может, но при этом у нее какая-то неистощимая жизненная энергия! Из нее может выйти вторая Эстер Стенхоп⁴.

— Ты умница! Но для этого ей сперва надо выгнать Джерри Корвена. А тут, если не ошибаюсь, ей может помешать ложный стыд.

Динни с удивлением смотрела на дядю.

— Ты так говоришь потому, что знаешь Клер, или потому, что в тебе говорит кровь Черрелов?

— Потому, что в ее жилах течет кровь Черрелов, дорогая.

— Ложный стыд... — прошептала Динни. — Вот у тети Эм его, по-моему, нет. А между тем она такая же типичная Черрел, как и мы все...

— Эм напоминает мне части скелета, которые никак не складываются друг с другом, — сказал Адриан. — Даже не поймешь, что это был за зверь. А ложный стыд — свойство заурядного организма.

— Фу, Адриан, — укоризненно заметила

4 Стенхоп Эстер (1776–1839) — английская путешественница.

Диана, — не смей говорить о костях за обедом. Когда приезжает Хьюберт? Мне очень хочется повидать его и Джин. Интересно, кто у кого под башмаком после полутора лет блаженства в Судане?

— Конечно, Хьюберт у Джин, — сказал Адриан.

Динни покачала головой.

— А по-моему, нет, дядя.

— Тут говорит твое сестринское самолюбие.

— Нет. Хьюберт более последователен. Джин кидается на все, и ей надо все сразу перевернуть; но руль в руках у Хьюберта, в этом я уверена. Дядя, а где находится Дарфур?

— К западу от Судана; большая часть его — пустыня, и, насколько я знаю, малодоступная. А что?

— Я сегодня обедала с мистером Дезертом, — помнишь, он был шафером Майкла? Он называл это место.

— А Дезерт там был?

— По-моему, он изъездил весь Ближний Восток.

— Я знаю его брата, — сказала Диана. — Чарлза Дезерта. Это один из самых неприятных у нас молодых политических деятелей. Наверняка будет министром просвещения, если победят консерваторы. Ну, тогда лорд Маллион

окончательно станет отшельником. Уилфрида я никогда не встречала. Он симпатичный?

— Да как тебе сказать, — протянула Динни, стараясь казаться равнодушной. — Я только вчера с ним познакомилась. Он похож на пирог с сюрпризом: откусишь кусок и надеешься. Сумеешь съесть весь пирог — твое счастье!

— Я бы тоже хотел с ним познакомиться, — сказал Адриан. — Он хорошо воевал, и я читал его стихи.

— Правда? Я могу вас познакомить; мы сейчас видимся чуть не каждый день.

— Да ну? — поглядел на нее Адриан. — Мне бы хотелось поговорить с ним о хеттах. Надеюсь, ты знаешь, что те характерные черты, которые у нас принято считать еврейскими, на самом деле, если судить по древним рисункам, принадлежат хеттам?

— Но разве эти народы не произошли от одного корня?

— Ничуть. Евреи Израиля были арабами. Кем были хетты, нам еще неизвестно. Современные евреи как здесь, так и в Германии, по-видимому, больше хетты, чем семиты.

— Дядя, а ты знаешь мистера Джека Маскема?

— Только понаслышке. Он двоюродный брат Лоренса и знаток лошадей. Мне говорили, что он ратует за новое скрещивание арабских скакунов с

нашими. Было бы неплохо, если взять лучших производителей. Дезерт-младший бывал в Неджде? По-моему, только там и водятся арабские племенные кони.

— Не знаю. А где Неджд?

— В центре Аравии. Но Маскем никогда ничего не добьется; никто его не поддержит: нет человека более консервативного, чем великосветский лошадиник. Да и сам он, видно, такой же чистопородный консерватор, если не считать этого его пунктика.

— Джек Маскем когда-то был влюблен в одну из моих сестер, — сказала Диана. — И эта романтическая страсть сделала его женоненавистником.

— Интересно, но не очень понятно.

— У него хорошая внешность, — сказала Динни.

— Умеет носить костюм и слышет врагом всяких новшеств. Я много лет его не видела, но раньше знала довольно близко. А почему ты о нем спрашиваешь?

— Просто я на днях его встретила, и он меня заинтересовал.

— Возвращаясь к хеттам, — сказала Диана, — я думаю, что в таких старых корнуэлльских семьях, как Дезерты, течет финикийская кровь. Посмотрите на лорда Маллиона. Какой странный тип!

— Не выдумывай, детка! В простонародье куда легче заметить следы финикийских предков. Дезерты столетиями женились на некорнуэлльцах. Чем выше социальный уровень, тем труднее сохранить чистоту породы.

— А разве это старинный род? — спросила Динни.

— Древний, как мир, и полный чудаков. Но ты ведь знаешь, как я смотрю на родовитые семьи.

Динни кивнула. Она отлично помнила их разговор на набережной Челси вскоре после возвращения Ферза. И теперь она с нежностью поглядела Адриану в глаза. Как хорошо, что ему наконец досталось то, чего он так добивался!..

Когда Динни вернулась на Маунт-стрит, дядя и тетя уже поднялись к себе, но дворецкий сидел в прихожей. Увидев ее, он встал.

— Я не знал, что у вас есть ключ, мисс.

— Мне ужасно жаль, что я вас потревожила, Блор, вы так сладко дремали.

— И вправду вздремнул, мисс Динни. В мои годы — когда-нибудь вы и сами узнаете — то и дело тянет соснуть в неположенное время. Вот, к примеру, сэра Лоренса: сон у него по ночам неважный, но стоит мне зайти в его кабинет, когда он работает, и я всегда замечаю, что он только-только открыл глаза. Ну, а что касается леди Монт, то хотя она всегда проспит свои восемь часов

без отказа, а все равно то и дело задремлет, и чаще когда с ней кто-нибудь разговаривает, особенно священник из Липпингхолла, мистер Тасборо, — такой вежливый, старый джентльмен, но уж очень он на нее действует в этом смысле! И взять даже мистера Майкла, — но он-то сидит в парламенте, там у них у всех, видно, такая привычка... А все же, мисс, то ли война виновата, то ли людям теперь надеяться не на что и кругом только одна суматоха, но, как говорится, имеет народ склонность ко сну! Да и не так уж это плохо. Вот я, к примеру, совсем было сомлел, а чуть-чуть всхрапнул и могу теперь разговаривать с вами хоть до самого утра.

— Да и я была бы рада с вами поговорить, Блор. Но пока еще меня больше клонит ко сну по ночам.

— Погодите, выйдете замуж, все переменится. Но, надеюсь, вы с этим торопиться не станете. Вечером я как раз говорю миссис Блор: «Если мисс Динни от нас уйдет, ох и скучно же будет, она ведь у нас, что называется, душа общества!» Мисс Клер я редко вижу, ее замужество меня не больно печалит; но вот вчера я слышал, что миледи и вам предлагает отведать семейную жизнь. Я и говорю миссис Блор: «Мисс Динни у нас все равно что дочь родная», — и... ну, сами знаете, мисс, мое к вам отношение.

— Блор, миленький! Простите, но я должна

идти, я сегодня ужасно устала!

— Конечно, конечно, мисс. Приятных сновидений!

— Спокойной ночи!

Приятных сновидений? Они-то, может, и будут приятными, а вот действительность? В какую неведомую страну она отважилась пуститься, а ведь путь ей туда указывает одна-единственная звезда. Да и звезда ли это или только на миг вспыхнувший метеор? На ее руку претендовало уже человек пять, но все они казались ей такими простыми и понятными, что брак с ними не сулил никаких опасностей. А вот теперь ей самой хочется выйти замуж, но она ничего не знает об этом человеке, он только разбудил в ней чувство, какого она еще никогда не испытывала. Жизнь — ехидная штука! Опустить руку в мешок с сюрпризами, а что оттуда вытянешь? Завтра она пойдет с ним гулять. Они вместе увидят деревья, траву, зеленые дали, сады, может быть, картины, увидят реку и цветущие яблони. Тогда она поймет, созвучны ли их души во всем, что ей дорого. А если и не созвучны, разве это что-нибудь изменит? Нет, не изменит.

«Теперь я поняла, — подумала Динни, — почему влюбленных зовут безумцами. Мне ведь надо только одно: чтобы он чувствовал то же, что чувствую я. Но, конечно, этого не будет, — с чего бы ему вдруг обезуметь?»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Поездка в Ричмонд-парк через Хем-коммон и Кингстон-бридж до Хемптон-корта и назад через Туикенхем и Кью отличалась тем, что приступы разговорчивости перемежались долгими паузами. Динни взяла на себя роль наблюдателя, предоставив Уилфриду вести беседу. Проснувшееся чувство сковывало ее, он же мог раскрыться только если дать ему полную свободу, иначе из него ничего не вытянешь. Они, как водится, заблудились в лабиринте Хемптон-корта, откуда, как сказала Динни, «могут выбраться только пауки, разматывая свою паутину, или хвостатые призраки, оставляя за собой след в пыли».

На обратном пути они остановились возле Кенсингтонского парка,пустили такси и зашли в кафе. Глотая золотистый напиток, он вдруг спросил, не хочет ли она прочесть его новые стихи в рукописи.

— Конечно, хочу. С радостью.

— Но мне нужно откровенное мнение.

— Хорошо. А когда вы мне их дадите?

— Я занесу их на Маунт-стрит после ужина и опущу в почтовый ящик.

— Может, на этот раз вы к нам зайдете?

Он покачал головой.

Прощаясь возле Стенхоп-гейт, он вдруг сказал:

— Я чудесно провел день. Спасибо!

— Это я должна вас благодарить.

— Вы? У вас, верно, друзей не меньше, чем иголок у дикобраза. А я одинокий пеликан.

— Прощайте, пеликан!

— Прощайте, моя пустыня в цвету!

И слова эти, как музыка, звучали в ее ушах всю дорогу до Маунт-стрит.

Около половины десятого с вечерней почтой подали пухлый конверт без марки. Динни взяла его у Блора и, сунув под «Мост короля Людовика Святого»⁵, продолжала слушать тетю Эм.

— Когда я была девушкой, я затягивала талию так, что и дышать не могла. Мы страдали за идею. Говорят, будто скоро эта мода вернется. Я-то уж не стану — жарко и стесняет, а тебе, видно, придется.

— Ни за что.

— Когда талия встанет на место, еще как будут затягиваться.

— Нет, тетя, по-настоящему тонкая талия уже не вернется.

— А шляпы? В тысяча девятисотом мы были

⁵ Роман американского писателя Торнтона Уайлдера (род. в 1897 г.).

похожи на рюмки для яиц с лопнувшим яйцом. Огромные кочаны цветной капусты, гортензии, хищные птицы... Так и торчали. Рядом с нами сады казались совсем голыми. Тебе идет цвет морской волны, непременно сшей себе такое подвенечное платье.

— Я, пожалуй, лягу, тетя. Что-то я сегодня устала.

— Оттого что мало ешь.

— Я ужасно много ем. Спокойной ночи.

У себя в комнате Динни поспешно разорвала конверт, волнуясь, что стихи ей не понравятся, и зная, что он сразу же заметит малейшую неискренность. К счастью, интонация была та же, что и в стихах, которые она читала прежде, но тут было меньше горечи и больше красоты. Когда Динни прочла всю пачку листков, она увидела, что к ним подложена обернутая в чистую бумагу большая поэма под названием «Леопард». Почему она была завернута отдельно — для того, чтобы Динни ее не читала? Но тогда зачем он положил ее в конверт? Динни решила, что Уилфрид сомневался, дать ли ей поэму, но все же хотел услышать ее приговор. Под заголовком было написано:

«МОЖЕТ ЛЕОПАРД СМЫТЬ
СВОИ ПЯТНА?»

В стихах говорилось о молодом монахе, втайне потерявшем веру, которого посылают проповедовать слово божье. Попав в плен к неверным, он должен выбрать между смертью и отречением. Монах отрекается и переходит в чужую веру. В поэме были строфы, исполненные такой страсти и глубины, что у Динни защемило сердце. Стихи покорили ее силой и вдохновением: это был гимн, воспевающий презрение к условностям и первозданную радость жизни, сквозь которую слышится стон человека, сознающего, что он предатель. Динни была захвачена этой борьбой противоречивых чувств и дочитала поэму чуть ли не с благоговением перед тем, кто сумел выразить такой глубочайший душевный разлад. К этому примешивалась и жалость: что он должен был испытать, прежде чем написать эти стихи? В ней проснулось материнское желание уберечь его от душевных мук и злых страстей.

Они условились встретиться на завтра в Национальной галерее, и Динни пошла туда пораньше, взяв с собой рукопись. Дезерт нашел ее возле «Математика» Беллини. Они молча постояли у картины.

— Тут есть все: правда жизни, мастерство и живописность. Вы прочли мои стихи?

— Да. Посидим, они у меня с собой.

Они сели, и Динни отдала ему конверт.

— Ну как? — спросил Дезерт, и она заметила, что губы у него подергиваются.

— По-моему, очень хорошо.

— Правда?

— Правда истинная. Одно, конечно, самое лучшее.

— Какое?

Динни улыбнулась, словно говоря: «Вы сами знаете».

— «Леопард»?

— Да. Мне даже больно было читать.

— Тогда, может, лучше его сжечь?

Она чутьем поняла, что он сделает так, как она скажет, и беспомощно спросила:

— Вы ведь все равно меня не слушаетесь?

— Как вы скажете, так и будет.

— Вы не можете его сжечь. Это лучшее, что вы написали.

— Слава аллаху!

— Неужели вы сами этого не понимаете?

— Уж очень все обнажено.

— Да, — сказала Динни. — Но прекрасно. А если что-нибудь обнажено, оно обязано быть прекрасным.

— Ну, сейчас так думать не принято.

— Почему? Цивилизованный человек прав, когда старается прикрыть свои уродства и язвы. На

мой взгляд, в дикарстве нет ничего хорошего, даже когда речь идет об искусстве.

— Вам грозит отлучение от церкви. Уродству сейчас поют осанну.

— Реакция на приторную красоту, — тихонько сказала Динни.

— Вот-вот! Те, кто стал ее насаждать, согрешили против духа святого и оскорбили малых сих.

— По-вашему, художники — это дети?

— А разве нет? Не то почему бы они себя так вели?

— Ну да, они любят игрушки. А как родился замысел этой поэмы?

Лицо его сразу стало похоже на взбаламученный темный омут, как тогда, когда Маскем заговорил с ними возле памятника Фошу.

— Может... когда-нибудь расскажу. Давайте пройдемся по залам?

Когда они расставались, Дезерт сказал:

— Завтра воскресенье. Я вас увижу?

— Если хотите.

— Пойдем в зоопарк?

— Нет, только не в зоопарк. Я ненавижу клетки.

— Правильно. А в Голландский сад возле Кенсингтонского дворца?

— Хорошо.

И там они встретились в пятый раз.

Для Динни эти встречи были похожи на череду погожих дней: ночью засыпаешь с надеждой, что и завтра будет ясно, а наутро, протерев глаза, видишь, что светит солнце.

Каждый день в ответ на его вопрос: «А завтра я вас увижу?» — она отвечала: «Если хотите»; каждый день она старательно скрывала от всех, с кем встречается, где и когда, и все это было так на нее непохоже, что она даже подумала: «Кто эта молодая женщина, которая украдкой убегает из дома, встречается с молодым человеком и возвращается, ног под собой не чуя от счастья? Может, мне просто снится длинный-длинный сон? Только во сне не едят холодных цыплят и не пьют чаю».

Когда в прихожую на Маунт-стрит вошли Хьюберт и Джин, — они собирались погостить тут, пока не обвенчается Клер, — Динни особенно остро почувствовала, как она изменилась. Увидев любимого брата впервые после полутора лет разлуки, Динни, казалось, должна была затрепетать от радости. А она невозмутимо поздоровалась с ним и даже осмотрела его без малейшего волнения. Выглядел он превосходно, загорел, поправился, но стал как-то проще, обыкновеннее. Она убеждала себя, что в этом виновато его теперешнее благополучие, женитьба и возвращение в армию, но

в глубине души понимала, что просто сравнивает его с Уилфридом. Она вдруг поняла, что Хьюберт не способен на глубокие душевные переживания; он из той породы людей, которую она хорошо знала, — люди эти всю жизнь идут по проторенной дорожке и не задают себе мучительных вопросов. С появлением Джин их отношения с братом разительно переменялись. Они уже никогда не будут друг для друга тем, чем были до его женитьбы. Радостно оживленная Джин просто сияла. Они летели от Хартума до самого Кройдона, всего с четырьмя посадками! Динни с тревогой заметила, что слушает их равнодушно, хотя и делает вид, что живо интересуется их делами. Вдруг упоминание о Дарфуре заставило ее насторожиться. Дарфур — это то самое место, где с Уилфридом что-то произошло. Там, рассказывал брат, все еще встречаются последователи Махди⁶. Заговорили о Джерри Корвене. Хьюберт восторгался одной из его эскапад. Джин объяснила, о чем идет речь. Жена заместителя окружного комиссара совсем потеряла из-за него голову. Поговаривали, будто Джерри Корвен вел себя не

⁶ Махди Мухаммед-Ахмед (1848–1885) — вождь народного восстания суданцев против английских колонизаторов.

очень красиво.

— Что поделаешь, что поделаешь! — сказал сэр Лоренс. — Джерри — пират, и дамам опасно терять из-за него голову.

— Да, — согласилась Джин. — Глупо в наши дни во всем винить мужчин.

— В прежние времена, — задумчиво сказала леди Монт, — атаку вели мужчины, а вину в этом женщин, теперь первые наступают женщины, а винят мужчин. — Неожиданная логичность этого заявления заставила всех замолчать, но тетя Эм тут же добавила: — Как-то раз я видела двух верблюдов. Помнишь, Лоренс, они были такие миленькие?

Джин оторопела, Динни только улыбнулась, а Хьюберт вернулся к прежней теме разговора.

— Не знаю, — сказал он, — но ведь Джерри женится на моей сестре!

— Клер в долгу не останется, — сказала леди Монт. — Это когда носы горбатые. Священник говорит, — обратилась она к Джин, — что у Тасборо совсем особенные носы. А у вас нет. Он морщится. И у вашего брата Алана он тоже чуть-чуть морщился. — Она поглядела на Динни. — Подумать только, в Китае! Я же говорила, что он женится на дочке судового казначея!

— Господи! Он и не думал жениться! —

закричала Джин.

— Нет. А они очень милые девушки. Не то, что дочки священников.

— Вот спасибо!

— Да я о тех, уличных. Они всегда рассказывают, что папа у них священник, когда хотят с кем-нибудь познакомиться. Неужели вы не слышали?

— Тетя Эм, Джин ведь сама дочка священника! — сказал Хьюберт.

— Но вы уже два года женаты! Кто это сказал: «И будут они плодиться и размножаться»?

— Моисей? — спросила Динни.

— А почему бы и нет?

Взгляд тети Эм остановился на Джин, та густо покраснела. Сэр Лоренс поспешил вмешаться:

— Надеюсь, Хилери так же быстро обвенчает Клер, как вас с Джин, Хьюберт. Тогда он поставил рекорд.

— У Хилери такие дивные проповеди, — сказала леди Монт. — Когда умер Эдуард⁷, он говорил о царе Соломоне во всем его блеске и славе. Очень трогательно! А когда мы повесили

⁷ Английский король Эдуард VII (1841–1910).

Кейзмента ⁸ ,— помните, какая это была глупость? — о бревне и сучке. Он тогда был у нас в глазу.

— Если бы я могла любить проповеди, — сказала Динни, — я любила бы только проповеди дяди Хилери.

— Да, — сказала леди Монт, — он умудрялся стащить больше леденцов, чем любой другой мальчишка, а вид у него был ангельский. Тетя Уилмет и я, бывало, держали его за ноги вниз головой, — знаете, как щенка, — думали, он хоть что-нибудь отдаст, но нет, он так никогда ничего и не отдавал.

— Ну и семейка же у вас была, тетя Эм!

— Ужасная! Отец наш — не тот, что на небесах, — старался видеть нас пореже. Мама, бедняжка, ничего не могла поделать. У нас совсем не было чувства долга.

— Зато теперь у вас его хоть отбавляй; странно, правда?

— А у меня есть чувство долга, Лоренс?

— Безусловно, нет.

— Я так и думала.

— Но, дядя Лоренс, разве, по-твоему, у

⁸ Кейзмент Роджер Дэвид (1864–1916) — ирландский революционер, казненный англичанами.

Черрелов не слишком сильно развито чувство долга?

— Разве оно может быть *слишком* сильным? — спросила Джин.

Сэр Лоренс поправил монокль.

— Ты ударилась в ересь, Динни.

— Но ведь в чувстве долга и в самом деле есть какая-то узость. И отец, и дядя Лайонел, и дядя Хилери, и даже дядя Адриан прежде всего думают о том, что они *должны* делать. Они пренебрегают своими желаниями. Это, конечно, красиво, но довольно скучно.

Сэр Лоренс выронил монокль.

— Твоя родня, Динни, — сказал он, — типичные мандарины. На них зиждется империя. Все наши знаменитые школы — Осборн, Сандхерст, — да что там, разве только это? От поколения к поколению, с младенческих лет. Впитано с молоком матери: служение церкви и государству — очень любопытно! Теперь это редкость. Весьма похвально!

— Особенно если благодаря этому они могут держаться на верхней ступеньке лестницы! — пробормотала Динни.

— Чушь! — воскликнул Хьюберт. — Как будто в армии об этом думают!

— Ты не думаешь потому, что тебе незачем, а если понадобится, еще как будешь думать!

— Туманно, — возразил сэр Лоренс. — Ты хочешь сказать, что если что-нибудь будет грозить их благополучию, они взбунтуются, говоря, что без них нельзя обойтись, ибо они — «соль земли»?

— А разве они — соль земли, дядя?

— У кого ты набралась этих идей, деточка?

— Ни у кого, просто иногда хочется подумать самой.

— Как это грустно, — сказала леди Монт. — Русская революция и все прочее...

Динни чувствовала на себе взгляд Хьюберта, который не понимал, что на нее нашло.

— Из обода всегда можно вынуть втулку, — сказал он. — Но тогда колесо свалится.

— Правильно! — воскликнул сэр Лоренс. — Зря думают, что так легко подменить одну породу людей другой или наспех вывести новую. Барство — вещь врожденная, а не благоприобретенная, конечно, если добавить сюда и ту атмосферу, в которой ребенок живет с самого рождения. И, на мой взгляд, порода эта вымирает удивительно быстро. Жаль, что ее нельзя как-нибудь сохранить, — ведь можно было бы устроить для бар особые заповедники, как это делают с бизонами!

— Нет, — заявила леди Монт. — Не буду.

— Что, тетя Эм?

— Пить в среду шампанское. Гадость, и еще пузырится!

— А разве непременно нужно пить шампанское?

— Я боюсь Блора. Он так к нему привык. Если я скажу, что не надо, он все равно его подаст.

— Динни, ты что-нибудь слышала о Халлорсене? — вдруг спросил Хьюберт.

— С тех пор как вернулся дядя Адриан — ничего. По-моему, он где-то в Центральной Америке.

— Он был такой большой, — сказала леди Монт. — Две девочки Хилери, Шейла, Селия и маленькая Энн, — это пять; я рада, Динни, что дело обойдется без тебя. Конечно, это чистое суеверие...

Динни откинулась назад, и на ее шею упал луч света от лампы.

— Хватит, я уже была подружкой на чужой свадьбе, тетя Эм...

Наутро, когда Динни встретила с Уилфридом в галерее Уоллеса, она спросила его:

— Может, вы завтра придете в церковь на венчание Клер?

— У меня нет ни фрака, ни цилиндра: я подарил их Стаку.

— Я так хорошо помню, какой вы были в тот раз. На вас был серый галстук и гардения в петлице.

— А на вас — платье цвета морской волны.

— «Eau-de-Nil». Мне хочется, чтобы вы

поглядели на моих родных, — они все будут там; потом мы сможем о них посудачить.

— Я проберусь туда, где стоят «и другие». Надеюсь, никто меня не заметит.

«Кроме меня», — подумала Динни. Ну вот, теперь ей не придется жить без него целый день!

С каждой встречей он как будто становился спокойнее; иногда он смотрел на нее так пристально, что у Динни колотилось сердце. Когда она смотрела на него, а это бывало редко, и так, чтоб он не заметил, взгляд у Динни казался таким безмятежным! «Какое счастье, что у нас есть хотя бы это преимущество перед мужчинами: мы всегда знаем, когда они на нас смотрят, и умеем смотреть на них так, что они об этом и не подозревают!»

Прощаясь, Дезерт спросил:

— Поедем в четверг снова в Ричмонд? Я приду за вами к Фошу в два часа, как в прошлый раз.

И она ответила:

— Да.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Венчание Клер Черрел на Ганновер-сквер было «великосветским», и отчет о нем вместе со списком гостей должен был занять целую четверть колонки петитом. А газетам, как заметила Динни,

только этого и надо.

Клер и ее родители с вечера прибыли из Кондафорда на Маунт-стрит. Провозившись с младшей сестрой все утро и пытаясь скрыть волнение шуткой, Динни приехала с матерью в церковь незадолго до невесты. Она задержалась у дверей бокового придела, здороваясь со старым слугой, и сразу же заметила Уилфрида. Он стоял у входа, откуда должна была появиться невеста, и смотрел на Динни. Она мельком улыбнулась ему и прошла вперед к матери, на переднюю скамью слева. Майкл прошептал, когда она шла мимо:

— А народу-то сколько набралось!

И правда: Клер знали многие и она людям нравилась, Джерри Корвена знало еще больше народу, хотя нравился он меньше. Динни рассматривала «зрителей» — трудно было назвать присутствующих на венчании «паствой». Какие разные лица, у каждого свой характер, — не подстрижешь под одну гребенку. Видно, у всех этих людей свои убеждения, свой взгляд на жизнь. Мужчин не отнесешь к какому-нибудь определенному типу, в них нет того унылого однообразия, какое отличает, например, кастовое немецкое офицерство. Рядом с ней и ее матерью на передней скамье сидели Хьюберт и Джин, дядя Лоренс и тетя Эм; за ними — Адриан с Дианой, миссис Хилери и леди Элисон. На два или три ряда

дальше Динни заметила Джека Маскема — высокого, элегантного и немножко скучающего. Он кивнул ей, и Динни подумала: «Странно, как это он меня запомнил?»

Через проход сидели гости Корвена — такое же разнообразие характеров и лиц. За исключением Джека Маскема, жениха и его шафера, никто из мужчин не выглядел хорошо одетым или специально принарядившимся. Но по их лицам сразу скажешь, что все они твердо знают, во что верят и чего хотят. Ни одно из них не похоже на лицо Уилфрида, — полное душевного разлада и внутренней борьбы, лицо мечтателя, страдальца, творца. «Я, кажется, брежу», — подумала Динни. Она взглянула на Адриана, сидевшего сразу за ней. Он тихонько улыбался в свою козлиную бородку, еще больше удлинявшую его худую, загорелую физиономию. «Какое у него милое лицо, — думала она, — и ни капли тщеславия, — а ведь оно всегда бывает у мужчин, которые отпускают такие бородки. Нет, он самый лучший человек на свете!» Она шепнула ему:

— Сегодня здесь собралась завидная коллекция ископаемых!

— Отдай мне свой скелетик, Динни!

— Нет уж! Меня сожгут и развеют прах по ветру. Т-с-с!

Появился хор, а за ним священники. Джерри

Корвен обернулся. Ох уж эти губы, и улыбается из-под тонких усиков, как кот, черты лица словно вырезаны из дуба, и какой дерзкий, пронзительный взгляд! Динни вдруг подумала с испугом: «Как Клер могла? Но мне, наверно, сейчас противно всякое лицо, кроме того, единственного. Я, видно, совсем свихнулась». Но вот по проходу покачиваясь и опираясь на руку отца, проплыла Клер. «Вот красотка! Дай бог ей счастья!» У Динни от волнения сдавило горло, и она схватила за руку мать. Бедная мама! Как она побледнела! Ей-богу же, вся эта комедия — ужасная ерунда! Зачем разводить такую длинную церемонию? Сколько волнений! Слава богу, папин старый фрак выглядит совсем прилично, — она вывела пятна нашатырем; он стоит вытянувшись, совсем как на параде. Если у дяди Хилери не в порядке пуговицы, папа непременно это заметит. Но, кажется, на облачении не бывает пуговиц. Динни ужасно захотелось очутиться рядом с Уилфридом. Он, наверно, думает о чем-то своем, хорошем, и они улыбнутся друг другу тайком.

А вот и подружки! Ее двоюродные сестры, дочки Хилери — Моника и Джоан, тоненькие и очень деловитые, светленькая как серафим Селия Мористон (если серафимы бывают девочками), темноволосая, яркая Шейла Ферз, а сзади уточкой переваливается малютка Энн.

Опустившись на колени, Динни немножко успокоилась. Она вспомнила, как в детстве, когда Клер была трехлетней крошкой, а она «уже совсем большая» лет шести, они стояли на коленях в ночных рубашонках возле своих кроватей. Динни старалась опереться подбородком о край матраца, чтобы коленям было не так больно, а Клер стояла, сложив ручонки, ну просто прелесть, как с картины Рейнольдса. «Этот человек будет ее мучить, — думала Динни. — Я знаю, будет!» Она снова вспомнила свадьбу Майкла десять лет назад. Вон там она стояла тогда, недалеко отсюда, рядом с какой-то незнакомой девушкой — родственницей Флер. И взгляд ее, с жадным любопытством молодости, перебежавший с одного лица на другое, вдруг остановился на Уилфриде, который стоял сбоку, наблюдая за Майклом. Бедный Майкл! В тот день у него был совсем одуревший вид, видно, счастье вскружило ему голову! Она ясно помнила, что подумала тогда: «Майкл и его падший ангел!» По лицу Уилфрида казалось, будто он навсегда отрешен от счастья, — взгляд у него был какой-то язвительный и в то же время тоскливый. Это было всего через два года после окончания войны, и теперь Динни понимала, какое беспросветное отчаяние владело им тогда, какое крушение всех надежд он переживал. Последние два дня он разговаривал с ней откровенно; он даже с иронией

признался ей в своем увлечении Флер; он влюбился в нее через полтора года после ее свадьбы и бежал на Восток. Для Динни, которой к началу войны было всего десять лет, эти годы запомнились только тем, что мама все время волновалась из-за папы, беспрерывно что-то вязала, и весь дом превратился в склад мужских носков; все ненавидели немцев; ей запрещали есть конфеты, потому что их делали на сахарине, а потом все очень волновались, когда на фронт ушел Хьюберт, и письма от него приходили реже, чем хотелось. Но за последние несколько дней Динни отчетливее и острее поняла, что принесла война таким людям, как Майкл и Уилфрид, — они ведь провели в самом ее пекле несколько лет. Уилфрид образно рассказывал, как люди были оторваны от всего, к чему привыкли, как разительно переоценивались все ценности, как разъедало душу сомнение во всем, что было освящено веками и традицией. Только теперь, по его словам, он наконец выздоровел от войны. Ему казалось, что выздоровел, но и до сих пор какие-то нервы еще обнажены. И всякий раз, когда Динни его видела, ей хотелось положить прохладную руку на его разгоряченный лоб.

Кольцо было надето, роковые слова сказаны, заклинания произнесены; новобрачные прошли в ризницу. За ними отправились ее мать и Хьюберт.

Динни сидела неподвижно, глядя в окно, выходящее на восток. Брак! Немыслимо! Если только... если не с одним-единственным из всех людей.

Над ее ухом раздался голос:

— Дай носовой платок. Мой совсем мокрый, а у дяди он синий.

Динни сунула тете Эм кусочек батиста и украдкой напудрила нос.

— А тебя пусть в Кондафорде, Динни, — продолжала тетя. — Столько народу, устаешь соображать, что они совсем не те, за кого ты их принимала. А ведь это была его мать, правда? Значит, она не умерла?

«Увижу я еще Уилфрида, хотя бы мельком?» — думала в это время Динни.

— Когда я выходила замуж, все меня целовали, — шептала леди Монт, — так неприлично! У меня была одна знакомая девушка, которая вышла замуж только для того, чтобы ее поцеловал шафер, Агги Тельюсон. Интересно: вот они возвращаются.

Ну да! Динни хорошо знала эту улыбку на лице невесты. Но неужели Клер счастлива, она же замужем не за Уилфридом! Динни пошла за родителями, рядом с Хьюбертом; брат шепнул ей:

— Не горюй, могло быть и хуже!

Поглощенная своей тайной, которая

отгораживала ее от близких, Динни только сжала его пальцы. В это мгновение она увидела Уилфрида, — он стоял, скрестив руки, и смотрел на нее. Динни снова еле приметно ему улыбнулась, а потом началась уже полная неразбериха, от которой она пришла в себя только на Маунт-стрит. В дверях гостиной ее встретила тетя Эм:

— Стань рядом, Динни, и в случае чего ущипни меня.

Стали съезжаться гости; Динни прислушивалась к щебетанию тети:

— Это и есть его мать, — та копченая селедка. А вот и Ген Бентуорт... Ген, тут Уилмет, она хочет о чем-то с тобой поспорить... Как вы поживаете? Да, вы правы... ужасно утомительно... Здравствуйте! Он очень красиво надел кольца, правда? Прямо фокусник!.. Динни, кто это такой?.. Здравствуйте! Очень мило! Нет. Черрел. Два «р», ужасно неудобно!.. Подарки в той комнате, около них вон тот в сапогах, — делает вид, будто он тоже гость... Глупо, правда? Но ничего не поделаешь... Как ваше здоровье? Я помню, вы Джек Маскем, Лоренсу снилось на днях, что вы взрываетесь... Динни, позови Флер, она всех знает.

Динни отправилась на поиски Флер — та разговаривала с новобрачным.

Когда они подходили к двери гостиной, Флер сказала:

— Я видела в церкви Уилфрида Дезерта. Как он туда попал?

Да, от ее глаз не скроешься!

— А, вот и ты! — воскликнула леди Монт. — Которая из этих трех — герцогиня? Тошая? А-а.... Здравствуйте! Да, прелестно. Ужасная скука эти свадьбы! Флер, проводи герцогиню к подаркам... Здравствуйте! Нет, мой брат Хилери. У него это ловко получается, правда? Лоренс тоже говорит, что ему палец в рот не клади. Съешьте мороженого, там внизу... Динни, как ты думаешь, этот пришел воровать подарки? Ах! Как вы поживаете, лорд Бивенхем? Конечно, стоять тут полагалось бы моей золовке. Но она струсила. Джерри там... Динни, кто это сказал: «Питье! Питье!» Гамлет? Он так много всего говорил... Ах, не Гамлет?.. А-а! Здравствуйте!.. Здравствуйте!.. Как, нет? Ужасная давка!.. Динни, дай носовой платок!

— Я насыпала в него немножко пудры, тетечка.

— Так! Я очень потная?.. Здравствуйте! Ужасная все это чепуха, правда? Как будто им кто-нибудь нужен, кроме друг друга!.. Ах, вот и Адриан! Дорогой, у тебя же галстук совсем набоку! Динни, поправь ему галстук. Как вы поживаете? Да, да. Терпеть не могу цветов на похоронах — бедняжечки, тоже лежат как мертвые... А как ваша собака? Чудное животное! У вас нет собаки? Ах

да!.. Динни, почему ты меня не ущипнула? Здравствуйте! Здравствуйте! Я говорю племяннице, что она должна была меня ущипнуть. У вас есть память на лица? Нет. Вот хорошо! Здравствуйте! Здравствуйте. Здравствуйте... Целых три. Динни, кто эта личность, — пришел позже всех? Ах!.. Здравствуйте! Ах, вы сюда все-таки попали? Я думала, вы в Китае... Динни, напомни мне спросить у дяди, был этот человек в Китае или где-нибудь в другом месте. Он так злобно на меня поглядел. А может, остальные и без меня обойдутся? Кто это так всегда говорил? Скажи Блору одно слово: «питье»! Вот идет еще целый выводок!.. Здравствуйте! Здравствуйте... Здра... Здра... а-а... Как это мило! Динни, мне хочется им всем сказать: идите вы...

Разыскивая Блора, Динни наткнулась на Джин, болтавшую с Майклом, и удивилась, как у этой живой, загорелой женщины хватает терпения стоять в такой давке. Передав поручение дворецкому, она вернулась в гостиную. Подвижное лицо Майкла, которое с годами казалось ей все милее, словно на нем еще отчетливее проступало душевное благородство, сейчас выглядело усталым и расстроенным.

— Я этому не верю, Джин, — услышала Динни.

— Ну что ж, — на базарах и правда бог знает

что болтают. А все-таки нет дыма без огня!

— Все бывает! Но ведь он вернулся в Англию. Флер видела его сегодня в церкви. Я его спрошу.

— На вашем месте я бы этого не делала, — сказала Джин. — Если это правда, он сам вам расскажет, если нет — зачем его зря огорчать?

Ах вот что! Они говорят об Уилфриде. Но как узнать, что они говорят, не показывая при этом своего интереса? И она сразу же подумала: «Даже если бы я могла что-нибудь узнать, я бы не стала спрашивать. Все, что его касается, должен мне сказать он сам. Я ничего не желаю слушать от других». Однако она встревожилась, ибо чутье и раньше подсказывало ей, что на душе у него какая-то тяжесть.

Этой светской пытке, казалось, не будет конца; но вот невеста уехала, и Динни опустилась в кресло в дядином кабинете — единственной комнате, где не было следов нашествия гостей. Отец и мать отправились домой в Кондафорд, недоумевая, почему она не едет с ними. Остаться в Лондоне, когда дома расцвели тюльпаны, распускается сирень и с каждым днем наливаются почки яблонь, — это было так непохоже на Динни. Но мысль, что она не будет видеть Уилфрида, причиняла ей почти физическую боль.

«Да, кажется, я заболела всерьез, — подумала Динни. — Вот уж не подозревала, что я на это

способна. Что же теперь со мной будет?»

Она откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза, но голос дяди заставил ее очнуться.

— А, это ты, Динни! До чего же приятно тебя видеть после этих полчищ мидийцев. Парад мандаринов во всем их блеске. Ты знаешь из них хотя бы четверть? Зачем только люди ходят на свадьбы? Сочетаться браком надо либо в мэрии, либо на травке, при свете звезд, все остальное — непристойность! Бедная тетя легла спать. Да, магометанство имеет свои преимущества, вот только и у них завелась мода ограничивать себя одной женой, да и та больше не ходит в чадре. Кстати, поговаривают, будто молодой Дезерт стал мусульманином. Он тебе ничего не говорил?

Динни с изумлением подняла голову,

— Я знал на Востоке только двоих, кто на это пошел, но оба были французы и мечтали завести гарем.

— Ну, для гарема достаточно иметь деньги.

— Динни, откуда такой цинизм? Мужчины любят, чтобы их прихоти были освящены церковью. Но вряд ли у Дезерта были такие побуждения, — он, если мне не изменяет память, человек разборчивый.

— А разве так уж важно, какая у человека вера? Важно, чтобы люди не мешали друг другу жить.

— Да, но взгляды мусульман на права женщины довольно первобытны. Если жена неверна, мужу ничего не стоит заживо ее замуровать. Когда я был в Маракете, там был один шейх... зверь, а не человек.

Динни зябко повела плечами.

— С незапамятных времен самые чудовищные злодеяния на земле творила религия. Интересно, для чего Дезерт принял мусульманство — неужели для того, чтобы попасть в Мекку? Не думаю, чтобы он верил во что бы то ни было. Однако почему знать, — семейка у них диковатая.

А Динни в это время думала:

«Не могу и не буду о нем судачить!»

— А много ли людей в наши дни на самом деле религиозны?

— В северных странах? Трудно сказать. У нас — не больше десяти — пятнадцати процентов взрослых. Во Франции, и вообще на юге, где есть крестьянство, — гораздо больше, по крайней мере там они делают вид, что верят в бога.

— Ну, а из тех, кто сегодня был здесь?

— Большинство из них возмутилось бы, если бы им сказали, что они плохие христиане, и большинство из них возмутилось бы еще больше, предложи им раздать половину имущества бедным, а это доказывает, что они всего-навсего благодушные фарисеи или саддукеи, не помню

толком, кто именно.

— А ты сам христианин?

— Нет, дорогая, на худой конец — конфуцианец, то бишь последователь философа-моралиста. В Англии большинство людей моего круга скорее конфуцианцы, чем христиане, хоть они этого и не знают. Во что они верят? В предков, в традиции, почитание родителей, в честность, воздержанность и хорошее обращение с животными и людьми, которые от тебя зависят. Верят, что неприлично быть выскочкой и что нужно стоически относиться к боли и смерти...

— Чего же больше желать, — прошептала Динни, морща нос, — не хватает только любви к прекрасному...

— Поклонение красоте? Ну, это зависит от темперамента.

— А разве не это сеет рознь между людьми?

— Да, но тут уж ничего не поделаешь, — нельзя заставить человека любить заход солнца.

— Ты мудрый, дядя, — сказала молодая племянница, — пойду-ка я пройдусь, чтобы протрясти свадебный пирог.

— Пойду-ка я вздремну, чтобы прогнать хмель от шампанского.

Динни очень долго гуляла. Ей теперь было странно гулять одной. Но цветы в парке ласкали глаз, вода в пруду блестела, как зеркало, стволы

каштанов горели в лучах заката. И она покорилась своему чувству, и чувство это было — любовь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вспоминая потом о второй прогулке по Ричмонд-парку, Динни так и не могла припомнить, выдала ли она себя, прежде чем он сказал:

— Если вы верите в брак, Динни, выходите за меня замуж.

У нее перехватило дыхание, она бледнела все больше и больше; потом кровь сразу бросилась ей в лицо.

— Не понимаю. Вы же меня совершенно не знаете...

— Вы мне напоминаете Восток. В него либо влюбляешься с первого взгляда, либо так никогда его и не полюбишь, но узнать его все равно никому не дано,

Динни покачала головой:

— Ну, во мне-то нет ничего загадочного.

— Я никогда не пойму вас до конца. Как статуи на лестнице в Лувре. Но вы мне еще не ответили, Динни.

Она протянула ему руку и кивнула.

— Вот это быстрота и натиск! — сказала она.

И сразу же его губы прижались к ее губам, и тут Динни потеряла сознание.

Это был самый необъяснимый поступок за всю ее жизнь, и, почти сразу же придя в себя, она так ему и сказала.

— Ну какая же вы прелесть...

Если прежде его лицо казалось ей странным, каким же оно стало теперь? Губы, обычно сжатые в язвительной усмешке, были полуоткрыты и дрожали, взгляд горел, не отрываясь от ее лица; подняв руку, он откинул назад волосы, и она впервые заметила на лбу у него шрам. Солнце, луна, звезды — вся вселенная словно замерла, пока они глядели друг другу в глаза.

Наконец она сказала:

— Все не как у людей. Вы за мной не ухаживали, и даже меня не соблазнили.

Он засмеялся и обнял ее. Динни прошептала:

— «И сидели двое юных влюбленных, окутанные блаженством». Бедная мама!

— А она у вас хорошая?

— Чудная. К счастью, она любит отца.

— Что за человек ваш отец?

— Самый милый генерал на свете.

— А мой отец — затворник. Вам не придется к нему привыкать. Брат у меня — осел. Мать сбежала, когда мне было три года; сестер у меня нет. Но вам будет трудно с таким непоседливым эгоистом, как я.

— «Куда пойдешь ты, пойду и я». По-моему,

нас видно вон тому старому джентльмену. Он напишет в газету о безобразиях в Ричмонд-парке.

— Наплевать!

— Мне тоже. Первый час бывает раз в жизни.

А я-то думала, что он для меня так и не наступит.

— Вы никогда не были влюблены?

Она покачала головой.

— Вот хорошо! Когда же, Динни?

— А вы не думаете, что не мешало бы известить об этом родных?

— Наверно. Но они не захотят, чтобы вы выходили за меня замуж.

— Еще бы, ведь вы куда знатнее меня!

— Где уж нам! Ваша семья ведет родословную с двенадцатого века. А мы — только с четырнадцатого. И я бродяга — и автор желчных стихов. И они догадаются, что я захочу увезти вас на Восток. К тому же у меня всего полторы тысячи в год и почти никаких надежд на наследство.

— Полторы тысячи в год! Отец, может, выкроит для меня двести, — он столько дал Клер.

— Ну, слава богу, хотя бы ваше богатство не будет нам помехой.

Динни доверчиво подняла на него глаза.

— Уилфрид, мне говорили, что вы перешли в мусульманство. Мне это все равно.

— Но им это будет не все равно.

Лицо его потемнело и стало напряженным.

Она крепко сжала его руку.

— В поэме «Леопард» вы писали о себе?

Он молча пытался вырвать свою руку.

— Ну скажите, о себе?

— Да. Это было в Дарфуре. Меня заставили арабы-фанатики. Я отрекся, чтобы спасти свою шкуру. Можете теперь послать меня к черту!

Динни насильно прижала его руку к себе.

— Что бы вы ни сделали, это не имеет значения. Вы — ведь это вы! — К величайшему ее смущению и радости, он упал на колени и уткнулся лицом в ее колени. — Милый мой! — сказала она. Материнская нежность пересилила более пылкие чувства. — Кто-нибудь знает об этом, кроме меня?

— На восточных базарах известно, что я перешел в мусульманство, но там думают, что я это сделал по доброй воле.

— Я ведь понимаю, что на свете есть вещи, за которые вы готовы умереть, и этого для меня достаточно. Поцелуйте меня!

Пока они сидели в парке, приблизился вечер. Тени дубов стали длинными и добрались до их бревна; четкая грань солнечного света на молодом папоротнике уходила все дальше; неспешно прошли на водопой несколько оленей. Ясно-голубое небо с белыми приветливыми облачками тоже стало сумеречным; изредка долетал терпкий смолистый запах листьев папоротника и